

Встреча

Пришло письмо от сына, с орденом на конверте, это я отправляла пустые конверты для обратной связи.

Эти конверты, какие были в магазине, из серии «Ордена и медали СССР» я купила оптом тогда, когда еще не знала, что сын в Афганистане.

В письме сообщалось, вывод будет осуществляться на технике, ждите, встречайте.

И вот, согласно Женевским переговорам, настал день 15 мая 1988 года.

Все внимание семьи приковано к телевизору, ко всем эфирным вестям.

Лещинский, который вел прямую трансляцию вывода Джалал-Абадского гарнизона стал дорогим и желанным, он был связующим звеном между мирком этой квартиры и сыном, который возвращался с колонной этих измученных пацанов, попавших в жернова этой войны.

В каждом репортаже мы искали лицо сына.

Принято решение, что выезжать нужно в ночь с 19 на 20 мая, попрощавшись с мужем и дочкой, выезжаю.

В шесть утра с вокзала города Ташкента пересаживаюсь на автобус, идущий в г. Чирчик, дорога заняла несколько часов.

Подъехав к г. Чирчик автобус вдруг начал кружить по какой-то улочке, спрашиваю у водителя, в чем дело, почему он не заезжает на автостанцию, он отвечает, колонна идет по Чирчику, с Афганистана.

Прошу открыть быстрее двери, потому что я приехала к этой колонне, к сыну, водитель моментально открывает двери.

Выскочив из автобуса, я увидела ошеломляющее зрелище, дорога по которой шли машины с обеих сторон была в цепи людей, все жители этого городка от мала до велика вышли встречать наших солдат, за исключением, не вышли лишь матери и отцы, потерявшие своих сыновей в этой бойне, слишком высока была их потеря.

Мне ничего не оставалось, как выскочить на дорогу и бежать рядом с машинами.

Стоял такой шум, от техники и возгласов людей. В машины летели все виды сладостей, бутылки с лимонадом и цветы, и мальчишки, уставшие от войны, не веря своим глазам и ушам, что они уже дома, в Союзе, ошалелые, все это ловили.

Я бежала рядом с машинами и кричала номер полевой почты сына, но они не слышали меня, улыбались и разводили руками.

Наконец одна машина остановилась и меня взяли в кабину, так как одно место в кабине было свободное, ребята сообщили, едем за город, на карантин.

И теперь уже в меня, в кабину летели шоколадки и цветы жителей этого хлебосольного узбекского городка, который имел счет потерь в этой войне, люди ликовали и радовались за чужие человеческие судьбы.

К сожалению репортаж Лещинского закончился на границе, почему не продолжили, почему не сняли фильм о невыдуманных человеческих отношениях, а это было... было 20 мая 1988 года!

И вот мы на горе, где расположен карантинный лагерь, поблагодарив ребят, что они меня привезли, иначе я бы не добежала так быстро.

Тут, встав как шлагбаум, у въезда, начинаю встречать все подъезжающие машины, выкрикивая номер полевой почты сына. У всех подъезжающих нездоровый смех, они не до конца верят во все это, что все уже позади, нервы у них в сжатой пружине.

И тут мне повезло, почти в последней подъехавшей машине мне ребята отвечают, да, наша полевая почта. На вопрос, а где мой сын, меня ошарашивают, а он еще там, в колонне замыкания идет.

Спрашиваю, где командир, меня отводят в вагончик. За столиком сидят несколько офицеров, обращаюсь к командиру, ко мне поворачивается мужчина с мягкими, добрыми чертами на лице.

Почти криком спрашиваю, перешла ли границу колонна замыкания, там мой сын, он тут же набирает кого-то по рации и отвечает мне, колонна уже перешла границу и потерь в ней нет.

Снова нужно ждать, эшелон должен прибыть на станцию, а я на карантинной горе и такси там не поймаешь, был страх разминуться.

Прошло несколько часов и я замечаю, что я не одна мечусь, а и женщина с девочкой подростком. Знакомимся, они приехали из Белоруссии и её сын тоже в колонне замыкания.

Прислушиваемся ко всем разговорам, когда же придет состав на станцию, вроде вот-вот. Наши нервы не выдерживают, мы уговариваем одного офицера довести нас до станции на уазике, он согласился.

Подъехав к железнодорожным путям, мы увидели состав, с которого стружается техника, выскочив как очумелые, мы втроем бежим по прижелезнодорожной гальке и кричим имена сыновей.

Им повезло чуть раньше, навстречу им бросается парень, а я бегу дальше одна. И уже в конце почти состава, стоит пустая платформа, техника уже снята и чуть вдали кружком сидят на корточках солдаты, кричу Олег.

Тут пришло и мое время радоваться.

Людмила Баканач.